

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ

УДК 342

Багдасарян В.Э.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУЦИЯ И ЦЕННОСТИ *

V. Bagdasaryan

Moscow State Regional University

CONSTITUTION AND VALUES

To the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается проблема аксиологических оснований конституционного строительства. Доказывается положение о преобладании типа ценностносодержащих конституций. Приводятся результаты количественного контент-анализа в отношении ценностных компонентов конституционных текстов. Конституция РФ рассматривается в сравнении с конституциями стран мира. Дается прогноз о грядущей конституционной реформе в России.

Ключевые слова: Конституция, национальные ценности, контент-анализ, аксиология, конституционные циклы.

Abstract. The article discusses the problem of axiological foundations of constitutional development and proves the predominance of values-oriented types of constitutions. The results are presented of the quantitative content analysis with respect to the component values of constitutional texts. The Constitution of the Russian Federation is considered in comparison with the constitutions of other countries in the world. Some predictions are made of the forthcoming constitutional reform in Russia.

Key words: The Constitution, values, content analysis, axiology, constitutional cycles.

В знаменитой сенатской речи против рабства видный сподвижник Авраама Линкольна, будущий госсекретарь США Уильям Сьюард заявлял: «Есть Закон и выше Конституции» [6]. Сенатор имел в виду Закон Божий. Указывалось на очевидный диссонанс между христианскими ценностями и узаконенным американской Конституцией институтом рабства. Как известно, в результате событий Гражданской войны эта конституционная норма была отменена и ценностный диссонанс, таким образом, ликвидирован. Задача, которая стоит в данном случае перед нами – в анализе ценностного содержания и ценностных диссонансов в Конституции Российской Федерации. В качестве ключевого исследовательского метода использован контент-анализ, применяемый в межстрановых сравнениях конституционных текстов.

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2014 гг.

© Багдасарян В.Э., 2013.

Историко-аксиологическая эволюция Основного закона. В настоящее время Конституция оценивается в качестве эквивалентного понятия по отношению к дефиниции «Основной закон». Однако при рассмотрении проблемы в мегаисторической проекции обнаруживается их категориальное разграничение. Исторически смысловое значение Основного закона подвергалось кардинальным трансформациям. Первоначально под ним понимался комплекс религиозных заповедей. По существу во всех религиях откровения под законом, в сакральном смысле слова, понимался именно закон Божественный. В другом случае он попросту не был бы легитимен. Ведическая религия сама определялась индусами как закон Ариев. Для евреев Израиля Основной закон по сей день – это Тора. По этой причине израильяне по сей день упорно воздерживаются от принятия Конституции [2]. В правосознании населения средневековой Руси обнаруживается четкое разграничение: одно дело – Судебник, а совсем другое – Закон Божий. Отмеченное разграничение сохранялось и в период Российской империи. Закон Божий по-прежнему четко различался по уровневой приоритетности со Сводом гражданских законов. Закон Божий в традиционных системах права ценностно окормляет собой светское законодательство [5; 6].

Начало расщепления единой аксиологической системы правосознания происходит под влиянием распространения теории двух истин. Окончательно наступление этого раскола контекстуализируется в идейном отношении с эпохой Просвещения. Именно в атмосфере просветительства рубежа XVIII-XIX вв. возникают первые Конституции, формируется направление конституционализма. В основе конституционного феномена, в диссонанс с прежним пониманием Основного закона, лежала секулярная идея. Другое дело, что остались, конечно, мировоззренческие компоненты, в большей или меньшей степени инкорпорированные в конституционные статьи. Известно, что разработчиками первых конституций: и американской, француз-

ской, польской, и других (в т.ч. российских конституционных проектов эпохи Александра I) [4] являлись лица, принадлежавшие к ломам «вольных каменщиков». Фиксируются буквально текстовые совпадения уставов масонских братств с первыми конституциями (особенно в части преамбулы) [3]. Еще более очевидно такого рода компоненты обнаруживаются в Декларации прав человека и гражданина и в первых Декларациях независимости.

Так, Декларация прав человека и гражданина открывается с апелляции к некоей теологической фигуре – Верховному существу. Характерно, что не к Христу. Далее в ней проводится связь Верховного существа (традиционное масонское наименование Демиурга) с выдвигаемым концептом естественных прав человека. Сообразно с пантеистическим миропониманием, Бог растворяется в Природе, и человек, будучи частицей божественно-природной субстанции, уже в силу своего рождения наделен естественными правами. Отсюда выстраивалось все дальнейшее развитие идеологии прав человека [18].

Показательна также в этом отношении Декларация независимости США. Она открывается положением о том, что права человека устанавливаются по законам природы и ее Творца [1; 14; 19]. Дальше – все люди наделены их Творцом неотчуждаемыми правами. Христианская мысль, как известно, ничего о неотчуждаемых правах, а тем более о естественном праве человека, не говорит. Напротив, в ней получила развитие прямо противоположная идея – о первородном грехе. Право, согласно с христианской традицией, дается не в силу рождения, а на основании Божественного завета: Ветхого – для евреев, Нового – для христиан.

В итоге отмеченного расщепления духовные ценности оказываются вытеснены в сферу религии и культуры. Светское же законодательство фокусировалось в основном на естественном интересе, будучи связано с благосостоянием и гражданскими права-

ми человека. Но, вместе с тем, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что нет ни одной конституции, в которой не был бы представлен и духовно-мировоззренческий компонент правосознания. Весь вопрос в пропорциях представленности. Именно духовные ценности конституций определяют их национальное своеобразие. Наша задача состоит в данном случае в выявлении пропорций их представительства в Конституции РФ.

Типы конституций. Часто можно услышать: как можно говорить о ценностях – патриотизме, коллективизме, нравственности применительно к конституционному законодательству. Конституция, указывают оппоненты, это же юридический документ. Однако анализ конституций стран мира показывает, что они по своему формату достаточно различны. Есть конституции как юридизированный документ. И, соответственно, конституционный язык является в них исключительно юридическим. Но есть конституции другого типа, представляющие собой жизнеустроительный документ. Конституционный язык в данном случае является сочетанием ценностно-мотивационной и юридической лексики.

Приведу один фрагмент текста: «В сфере укрепления экономики основной целью станет удовлетворение материальных потребностей человека на пути его развития и духовного роста. Такой принцип отличает экономику нашей страны от других экономических систем, где основная цель – накопление богатства и увеличение доходов. Материалистические школы рассматривают экономику как конечную цель, что является подрывающим и разлагающим фактором процесса развития человека. В исламе экономика – это всего лишь средство для достижения конечной цели». Что это за текст? Это раздел преамбулы Конституции Ирана [8]. То есть возможны и такие формулировки, которые, казалось бы, немыслимы по отношению к Конституции России. Но, может быть, Иран – это исключение из мировой конституционной практики?

Анализ содержания различных конституций стран мира позволяет выявить их идеологические основания. Форма выражения идеологий в конституционных текстах может быть различна. Бывают номинированные и не номинированные идеологемы. В одних случаях это религия и апелляция к соответствующим сакральным текстам. Другой вариант – это непосредственно та или иная политическая идеология со ссылкой на определенные учения. Наконец, в третьем случае – это то, что называют «постидеология», когда идеологические компоненты не явно номинированы, но подразумеваются как нечто само собой разумеющееся. Ценностный компонент обнаруживается, таким образом, при любом из вариантов.

Далее посмотрим – какой конституционный формат преобладает. Действительно ли юридизированные Конституции – преобладающий и универсальный тип? Для ответа на этот вопрос был проведен контент-анализ имеющихся в нашем доступе около ста основных законов стран мира. В рассматриваемый перечень вошли все конституции европейских и азиатских стран, а также значительной части американских.

Как известно, в Конституции России нет национальных идентификаторов: ни «русский», ни даже «россиянин». Так ли это в других Конституциях? Обнаруживается, что нет. В более чем 90% Конституций стран мира национальный идентификатор присутствует. А насколько распространены религиозные идентификаторы? Казалось бы, в рамках секулярного государства это немыслимо. И действительно, в Конституции России нет ни православия, ни христианства. Однако почти 59% Конституций стран мира такой религиозный идентификатор содержат. Но, может быть, сказывается при данных расчетах инерция Востока? Может быть, статистика будет иной при ограничении масштабами, иначе – в Европе. Все-таки Европа развивается иначе, нежели страны Востока? Эти сомнения не подтверждаются. Примерно те же самые цифры по Европе – 60% конститу-

ций, содержащих религиозные идентификаторы, и 82,9% – национальные.

К вопросу о проекции Конституций на идеологию: какие могут быть индикаторы идеологичности конституционных текстов? К таким индикаторам относятся: категория «Бог»; измененные словообразования («национализм», «патриотизм», «социализм» и т.п.); сакрализионные термины – «священный», «святой» (они присутствовали, например, в Советской Конституции, но их нет в современной); слово «духовность». Всех этих слов нет в современной Конституции России. Но как обстоит ситуация в мире. Несмотря на распространенное представление об универсальности принципа светскости, большинство конституций мира содержат апелляцию к существованию Бога. Категорией «Бог» оперируют и более половины конституций европейских стран. Большинство мировых конституционных текстов содержат также и все другие перечисленные выше идеологические индикаторы.

Принципиальным является ответ на вопрос – в каком конституционном кластере находится Россия. Доля конституций, которые не содержат ни национальных, ни религиозных идентификаторов, всего 8,2%. Доля же Конституций, не содержащих всех перечисленных ценностно-мировоззренческих индикаторов – 14,1%. Таким образом, юридизированных конституций в мире меньшинство. Среди них и Конституция России. Нам говорят о том, что ценностно выхолощенный конституционный текст есть универсалия. Однако сравнительный анализ показывает, что это совсем не так.

Конституционный ценностный классификатор. Классификация ценностных ориентиров, которые присутствуют в конституциях разных стран, позволяет выделить следующие типы аксиологических идеологем:

- Бог, религиозные и этические ценности;
- историческая традиция государственности, апелляция к предкам;
- государственное единство;
- идеологический проект, апелляция к будущему;

– национальное освобождение, суверенность;

– международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами;

– специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия;

– права и благосостояние человека.

Данные установки представлены в конституционных текстах в разных соотношениях и иерархиях. Посмотрим, как эти перечисленные ценностные ориентиры находят отражение в современной российской Конституции. Ее преамбула содержит апелляцию к шести аксиологическим принципам из восьми. Однако их формулировка в российской Конституции минимально решает те задачи, которые этими ценностными ориентирами определяются. Сравним характер их выражения с конституционными текстами иных государств.

Первый параметр: Бог, религиозные и этические ценности. В Конституции РФ данный ценностный ориентир вовсе отсутствует. Противопоставить этому вакууму можно далеко не только законодательство политеократического Ирана, но и конституционные тексты традиционно позиционирующихся в качестве светских либерально-демократических государств. Для примера возьмем Конституцию Швейцарии, демократизм которой вряд ли кто поставит под сомнение. Открывается она следующим обращением: «Во имя всемогущего Бога, швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед Творением...» [12].

Второй параметр: историческая традиция государственности, апелляция к предкам. Конституция РФ – «соединенные общей судьбой на своей земле». Что утверждает данная фраза? Она не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Проводится мысль, что народы России объединились, создав государственность не на основе какой-либо осознанной идеи, сознательного выбора, а в силу действия некой судьбы, фатума, сведшего их на одной территории. Для сравнения обратимся к тексту Конституции

Словакии: «В смысле духовного наследия Кирилла и Мефодия и исторического завета Великой Моравии...». Постановка вопроса совершенно другая.

Третий параметр: государственное единство. Конституция РФ – «сохраняя исторически сложившееся государственное единство...». К данной формулировке может быть адресован тот же упрек, что и в предыдущем рассмотренном примере. Государственное единство России, указывает приводимый конституционный фрагмент, сложилось именно таким образом исторически, без объяснения причин и оснований этого единения. В общем, так случилось. Почему же народы России должны стремиться сохранить данный исторический конструкт, разъяснений не следует. Совершенно иная формулировка предложена в тексте договора о Европейском союзе: «Полные решимости перейти на новый этап в европейской интеграции, заложенные образованием европейских сообществ; сознавая историческое значение прекращения деления европейского континента и необходимость образования прочных основ для строительства будущей Европы» [13, с. 249].

Четвертый параметр: идеологический проект, апелляции к будущему. В российской Конституции данный ценностный ориентир представлен в минимально конкретизированном с точки зрения номинации целей виде: «обеспечить благополучие и процветание России» [7, с. 3]. Возможно ли в современном деидеологизированном мире нечто иное? Чтобы убедиться в такой возможности, достаточно обратиться к преамбуле турецкой Конституции: «В соответствии с концепцией национализма, а также формами и принципами, провозглашенными основателем Республики Турция бессмертным лидером и непревзойденным героем Ататюрком, настоящая Конституция, которая утверждает вечное существование Турецкой нации и Родины, а также неделимое единство турецкого государства...» [12, с. 216]. Турция – это государство член Северо-атлантического альянса, для вхождения в которой идеологи-

чески аккумулятивная конституция не стала препятствием.

Пятый параметр: национальное освобождение, суверенность. Номинированный ценностный ориентир представлен в Конституции РФ двумя смысловыми утверждениями: «возрождая суверенную государственность» и «исходя из общих принципов самоопределения народов». Заявляя о возрождении суверенной государственности, демонстрируется отрицание советского опыта государственного строительства. Подразумевается, что суверенности в рамках СССР не было. Данное положение противоречит идее политического преемства Российской Федерации от Советского Союза и непрерывности потока национальной истории. С изгнанием в 1612 г. поляков из Москвы Россия более никогда не утрачивала государственного суверенитета. Менялись лишь ее официальные названия. Суверенность России сохранялась и в прославленном многими выдающимися достижениями советском периоде ее истории. С этой точки зрения корректнее говорить не о возрождении суверенной государственности России, а об установлении нового формата российской государственности – Российской Федерации.

Апелляция к «общим принципам самоопределения народов» имеет в специфических российских условиях многоэтничности и во все дезинтеграционное значение. Используемая как обоснование государственного единства России, данная фраза может быть применена и в прямо противоположном смысле. Иной тип формулировки идей национального освобождения и суверенности представляет литовская Конституция: «Веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплотившая естественное право человека и каждого народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве» [11, с. 322].

Шестой параметр: международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами. Определение ме-

ста России в мире исчерпывается в Конституции РФ следующим утверждением: «Сознавая себя частью мирового сообщества». Претензии на какую-либо особую роль отсутствуют. Нет даже указания на национальные интересы. Главный обозначенный ориентир – международная интеграция. Для сравнения, конституция КНР расставляет приоритеты внешней политики совершенно иначе: «Китайский народ должен будет вести борьбу против внутренних и внешних вражеских сил и элементов, которые подрывают наш социалистический строй. Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване» [9, с. 225].

Седьмой параметр: специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия. Данный ценностный ориентир в Конституции РФ совершенно не отражен. Тематика цивилизационной специфичности и национальной самобытности России оказалась чужда конституционным законотворцам. Для сравнения обратимся к Конституции Ирландии. Первая (что само по себе показательно) статья Основного закона республики звучит следующим образом: «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями» [10, с. 779]. Ирландские законодатели посчитали, таким образом, необходимым продекларировать, что политика, экономика и культура страны имеет собственные национальные традиции формирования и определяется в своем развитии в соответствии с ними.

Восьмой параметр: права и благосостояние человека. Указанный ценностный ориентир не только номинирован в преамбуле, но и проходит через весь текст российской Конституции. Вторая статья дает перечень высших государственных ценностей – «человек,

его права и свободы» [7, с. 9]. И все! В этом ценностном ряду не нашлось места даже для самой России. Идеологический перекосяк в российской Конституции в направлении неолиберального ценностного подхода представляется, таким образом, очевидным.

Конституционные циклы и перспективы ценностной инверсии российского Основного закона. Главное, предупреждают приверженцы либеральной теории понимания права, ни в коем случае нельзя изменять Конституцию. Такого рода изменения подрывают, с их точки зрения, основы правосознания, выстраивающиеся на безоговорочном признании авторитета высшего закона. Но Конституция – это не религиозный сакрализованный текст Божественного откровения. В отличие от последнего, конституционное законодательство выступает не целью, а средством, инструментарием реализации соответствующих ценностных установок. Поэтому догматизация текста Конституции снижает ее действенные потенциалы. Несоответствие вызовам и запросам современности делает закон юридически бессмысленным. Ссылка здесь на историческую устойчивость американской Конституции является на мировом фоне исключением из правил. Как правило, конституционное законодательство довольно часто модернизируется. Из существующих на сегодняшний день конституций значительная часть была принята позже российского Основного закона. Из всех существующих в мире Конституций 31,0 % были приняты уже после того, как 12 декабря 1993г. референдум в РФ утвердил новое конституционное законодательство.

Возрастное распределение конституций позволяет заметить, что в России она на общем мировом фоне не выглядит в достаточной степени «молодой» [17, с. 666-672]. Распределение в данном случае проводилось в 5-летнем временном интервале от даты установления конституционного закона. Российский Основной закон принадлежит к самой распространенной по численности возрастной группе конституций – 15-20 лет. Особое диспропорциональное выделение

данной группы указывает, что именно от-носимые к ней государства при прохожде-нии двадцатилетнего рубежа должны быть объективно подвержены конституционному реформированию. За 15-20 лет происходит смена поколений в человеческом смысле. Соответственно, происходит определенная ценностная модификация. Должно ли кон-ституционное законодательство реагировать на эти аксиологические инверсии. С одной стороны, базовые национальные ценности, составляющие фундаментальную основу цивилизационного бытия, не могут пере-сматриваться при каждом новом поколении граждан. Но, с другой, не должно быть и кон-ституционной консервации, препятствующей историческому развитию народа, в том числе его ценностной рефлексии. Это задача на оптимизацию, на уровне конституцион-ного законодательства, традиционного и мо-дернизационного компонентов националь-ной жизни.

В девяностые годы записные либераль-ные публицисты часто иллюстрировали со-ветский правовой нигилизм частым пере-смотром основного закона – «ленинская конституция», «сталинская конституция», «брежневская конституция». Едва не состо-ялась еще и «хрущевская конституция». Но достаточно обратиться к мировому опыту, включая опыт западных государств, чтобы убедиться, что конституционное реформи-рование является событием тривиальным. Никто ведь не будет говорить о правовом нигилизме испанцев на том основании, что Конституция Испании менялась 11 раз, не считая вносимых в каждую из них поправок. Для Франции ныне действующая консти-туция и вовсе 15-я по счету. И что с того? Осущ-ествляя законодательную модернизацию, государства решают через нее возникшие управленческие задачи, вырабатывают адап-тивную модель соотношения основных за-конов с новой изменившейся исторической реальностью. Для стран «третьего мира» за-мены Конституций осуществляются в целом с той же ритмической периодичностью [17]. Таким образом, если замена существующей

Конституции РФ диагностируется как на-зревшая необходимость, доводы о противо-показанности такого шага, не будучи в до-статочной степени аргументированными, и не должны служить весомым препятствием в принятии соответствующего политическо-го решения.

Идея пересмотра Основных законов ак-туализируется в российском политическом дискурсе с устойчивой периодичностью. Ис-следователи говорят об особых исторически проявляемых конституционных циклах Рос-сии [15]. В данном случае мы прослеживаем их ритмическую динамику, начиная с кон-дичий, предъявленных в 1730 г. Анне Иоан-новне. Диапазон конституционного цикла в России составляет временной интервал от 13 до 26 лет. Соответственно, усредненное зна-чение циклически повторяемой консти-туционной активности будет соответствовать 19-20 годам. Имея в распоряжении данную величину, можно прогнозировать, что рос-сияне увидят скоро новую Конституцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекер Г. История американского народа. [Т.2] Американская революция 1763—1783. – М.: На-ука, 1962. – 589 с.
2. Госратян С.М. Религиозные партии государства Израиль. – М.: ИИИИиБВ, 1996. – 193 с.
3. Захаров В.Ю. Основные этапы развития масон-ства в России, его соотношение с конституцио-нализмом // Научные труды Московского гума-нитарного университета. – 2008. – Вып. 96. – С. 35-49.
4. Касаткин В.П. Попытка становления конституци-онализма в России в период правления Алексан-дра I // Проблемы правопедания: научно-практи-ческий журнал. – 2003. – Вып. 1. – С. 25-30.
5. Клибанов А.И. Духовная культура средневеко-вой Руси. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
6. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Е., Ланчиков В.К. Политика и крылатика: высказывания вид-ных политических, государственных и обще-ственных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. – М.: Р.Валент, 2004. – 232 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Феде-рации / Авт.-сост. О.А. Кудинов. – М.: Ось-88, 2005. – 112 с.
8. Конституции государств Азии: в 3-х т. Т. 1 : За-падная Азия / Ин-т законодательства и сравнит.

- правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
9. Конституции государств Азии: в 3-х т. Т. 3: Дальний Восток / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма, 2010. – 1040 с.
10. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред.: Окуньков Л.А. - М.: Норма, 2001. Т.1. – 824 с.
11. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 2 / Под общ. ред.: Окуньков Л.А. - М.: Норма, 2001. – 840 с.
12. Конституции государств Европы: в 3-х т. Т. 3: Россия-Югославия / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – 792 с.
13. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2007. – 608 с.
14. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. – М.: Госюриздат, 1957. – 587 с.
15. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – 547 с.
16. Памятники русского права: вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв. – М.: Госюриздат, 1955. – 527 с.
17. Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник / ИГиП РАН. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 699 с.
18. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989. – 445 с.
19. Фурсенко А.А. Американская буржуазная революция XVIII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 152 с.